

Смерть эльфа

Не установлено, жил ли этот эльф вместе с Горчичным Зернышком и Фасолевым Стручком, которые имели честь быть знакомы с Виллиамом Шекспиром, или он так – без встреч и прощаний – эльфствовал по свету, пока не попал в ту сложную и трудную ситуацию, о которой говорит этот рассказ.

Если, как утверждает наука, у тел есть антитела, у аэробов – анаэробы, то все читатели легко согласятся с тем, что у эльфов были антиэльфы. Иногда побеждало эль, в другой раз – антиэль, в данном случае эльф, биографию которого, точнее сказать – последнюю главу его биографии, пишет настоящий правдивый рассказ, попал, в борьбе с антиэльфами, в тяжелое положение, эмигрировал из своего царства прозрачнокрылых существ и искал укрытия от врагов.

Фридрих Флюэхтен таскал свою музыку под левым локтем. Музыка была запрятана в коричневый чехол и, когда Флюэхтен втискивался вместе с ней в набитый людьми трамвай, издавала жалобный четырехструнный стон.

Флюэхтен учился много и прилежно. Он водил своим смычком, как швея иглой, но не сшил себе даже самого малого подобия славы. Фрицхен, как называла его года четыре назад умершая мать, давно уже примирился со скромным местом виолончелиста в одном из почтенных кафе большого города. Изредка ему разрешали исполнить перед публикой, слушающей композиторов и ударами ложечек или вилок зовущей кельнеров, какие-нибудь не воспринимаемые никем вариации на давно забытую тему или рондо каприччиозо, все равно кого или...

Случилось так, что в ту ночь эльф, о котором идет рассказ, спасаясь от антиэльфов, искал безопасного пристанища. Это было перед вечером. Время года – не помню точно -- не то конец июня, не то начало июля. Окно комнаты музыканта на шестом этаже оставалось открытым, когда он защелкнул дверь на ключ, чтобы уйти пообедать в ближайшем ресторане против его дома.

Именно в это-то время и влетел испуганный эльф в пустую комнату музыканта. Он метнулся от стены к стене, ища укрытия. Рыжее горло виолончели было расстегнуто. Эльф нырнул внутрь, задел правым крылышком о четвертую, тонко пропевшую струну и скользнул в один из эфеобразных вырезов инструмента, в спасительную теплую молчащую темноту.

Флюэхтен, кончив свой скромный обед, вернулся к инструменту, застегнул пуговицы на его длинном горле и – как всегда – отправился в привычное кафе, где его ждали столь же привычные лица посетителей, лакеев и композиторов, произведения которых он механически рисовал своим смычком.

Два-три рукопожатия. Кивок подправленной красками женской головки (четвертый столик справа у стены). Дирижирующий правый локоть скрипача, острый асик смычка которого, точно игла, лишённая нити, дергал вверх и вниз. Вначале никто не слышал из-за грохота джаза, стука тарелок, топота входящих и уходящих шагов того нового тембра, того хора обертонов, которые, непонятным образом для виолончелиста, возникали сейчас под его смычком, трущимся о струны. Флюэхтен слышал, но боялся быть услышанным, он прятал новый, непонятный ему звук и только после властного взмаха смычка дирижера, требовавшего форте, позволил звуку стать более громким. Две-три головы за столиками повернулись в сторону оркестра. Но звон рюмок, скучный стук тарелок, шаркающие шаги официантов заглушили звуковой феномен. Через какие-то секунды кончился и музыкальный номер.

Сам исполнитель лишь смутно воспринимал новый призыв, вселившийся в струны его инструмента. Он был очень утомлен: перед глазами его бежали черные хвостатые нотные точки, пальцы механически скользили по грифу, а сам он думал, что завтра последний срок платы за квартиру и что если он...

После полуночи, когда огни в городе гаснут, он возвращался, экономя двадцать фартиггов на трамвай, наставив воротник пальто, чтобы капли мелкого плаксивого дождя не заползали за шею.

Виолончель стала на свое привычное место у нотной полки. Флюэхтен постелил постель, присел к столу, где его дожидался пустой лист нотной бумаги, зевнул, отложил в сторону карандаш, снял с носа круглые очки в черной оправе, разделся, потушил свет и вытянулся под одеялом. В окно глядела – с миллионного этажа – луна. Флюэхтен закрыл от ее света голову краем одеяла и заснул. Время повернулось к нему спиной. Внезапно что-то толкнуло его сердце, и он приподнялся на локте. За стеной часы тихо, но внятно отсчитали пять ударов. Луна ушла за пределы оконной фрамуги – и лишь ее отраженный свет скользил по столу и листу линованной нотной бумаги, лежавшей поверх его сукна. Оттуда, из угла комнаты, где на короткой